

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня-богатыри

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик со старухой; детей у них не было. Говорит раз старик:

– Старуха, поди купи репку – за обедом съедим.

Старуха пошла, купила две репки; одну кое-как изгрызли, а другую в печь положили, чтобы распарилась. Погодя немного слышат – что-то в печи кричит:

– Бабушка, откутай; тут жарко!

Старуха открыла заслонку, а в печи лежит живая девочка.

– Что там такое? – спрашивает старик.

– Ах, старик! Господь дал нам девочку.

И старик и старуха крепко обрадовались и назвали эту девочку Репкою.

□ Вот Репка росла, росла и выросла большая. В одно время

приходят деревенские девки и просят:

– Бабушка, отпусти с нами Репку в лес за ягодами.

– Не пушу, к...ны дети! Вы её в лесу покинете.

– Нет, бабушка, ни за что не кинем.

Старуха отпустила Репку. Собрались девки, пошли за ягодами и зашли в такой дремучий лес, что зги не видать. Глядь – стоит в лесу избушка, вошли в избушку, а там на столбе медведь сидит.

– Здравствуйте, красные девицы! – сказал медведь. – Я вас давно жду.

Посадил их за стол, наклат им каши и говорит:

– Кушайте, хорошие-пригожие! Которая есть не будет, тоё замуж возьму.

Все девки кашу едят, одна Репка не ест. Медведь отпустил девок домой, а Репку у себя оставил; притащил сани, прицепил к потолку, лёг в эти сани и заставил себя качать. Репка стала качать, стала приговаривать:

– Бай-бай, старый хрен!

– Не так! – говорит медведь. – Сказывай: бай-бай, милый друг!

Нечего делать, стала качать да приговаривать:

– Бай-бай, милый друг!

□ Вот так-то прожил медведь с нею близко года; Репка забрюхатела и думает: как бы выискать случай да уйти домой. Раз медведь пошёл на добычу, а её в избушке оставил и заклал дверь дубовыми пнями. Репка давай выдираться, силилась-силилась, кое-как выдралась и убежала домой. Старик со старухой обрадовались, что она нашлась: живут они месяц, другой и третий; а на четвёртый Репка родила сына – половина человечья, половина медвежья; окрестили его и дали имя Ивашко-

Медведко. Зачал Ивашко расти не по годам, а по часам; что час, то на вершок выше подается, словно кто его в гору^[1] тащит. Стукнуло ему пятнадцать лет, стал он ходить с ребятами на игры и шутить шутки нехорошие: кого ухватит за руку – рука прочь, кого за голову – голова прочь.

□Пришли мужики жаловаться, говорят старику:

– Как хочешь, земляк, а чтобы сына твоего здесь не было! Нам для его удали не погубить своих деток!

Старик запечалился-закручинился.

– Что ты, дедушка, так невесел? – спрашивает Ивашко-Медведко.
– Али кто тебя обездолил?

Старик трудно вздохнул:

– Ах, внучек! Один ты у меня был кормилец, и то велят тебя из села выслать.

– Ну что ж, дедушка! Это ещё не беда; а вот беда, что нет у меня обороны. Поди-ка, сделай мне железную дубинку в двадцать пять пуд.

Старик пошёл и сделал ему двадцатипятипудовую дубинку. Ивашко простился с дедом, с бабою, взял свою дубинку и пошёл куда глаза глядят.

□Идёт путем-дорогою, пришёл к реке шириной в три версты; на берегу стоит человек, спёр реку ртом, рыбу ловит усом, на языке варит да кушает.

– Здравствуй, Усыня-богатырь!

– Здравствуй, Ивашко-Медведко! Куда идёшь?

– Сам не ведаю: иду куда глаза глядят.

– Возьми и меня с собой.

– Пойдём, брат! Я товарищу рад.

Пошли двое и увидели богатыря – захватил тот богатырь целую гору, понёс в лог и верстаёт^[2] дорогу. Ивашко удивился:

– Вот чудо так чудо! Уж больно силён ты, Горынюшка!

– Ох, братцы, какая во мне сила? Вот есть на белом свете Ивашко-Медведко, так у того и впрямь сила великая!

– Да ведь это я!

– Куда ж ты идёшь?

– А куда глаза глядят.

– Возьми и меня с собой.

– Ну, пойдём; я товарищам рад.

□Пошли трое и увидели чудо – богатырь дубьё верстаёт: который дуб высок, тот в землю пихает, а который низок, из земли тянет. Удивился Ивашко:

– Что за сила, за могута великая!

– Ох, братцы, какая во мне сила? Вот есть на белом свете Ивашко-Медведко, так тот и впрямь силён!

– Да ведь это я!

– «Куда же тебя бог несёт?

– Сам не знаю, Дубынюшка! Иду куда глаза глядят.

– Возьми и меня с собой.

– Пойдём; я товарищам рад.

Стало их четверо.

□Пошли они путём-дорогою, долго ли, коротко ли – зашли в

тёмный, дремучий лес; в том лесу стоит малая избушка на курячьей ножке и всё поворачивается. Говорит Ивашко:

– Избушка, избушка! Стань к лесу задом, а к нам передом.

Избушка поворотилась к ним передом, двери сами растворились, окна открылись; богатыри в избушку – нет никого, а на дворе и гусей, и уток, и индеек – всего вдоволь!

– Ну, братцы, – говорит Ивашко-Медведко – всем нам сидеть дома не годится; давайте кинем жеребей: кому дома оставаться, а кому на охоту идти.

Кинули жеребей: пал он на Усыню-богатыря.

□ Названные братья его на охоту ушли, а он настряпал-наварил, чего только душа захотела, вымыл голову, сел под окошечко и начал гребешком кудри расчесывать. Вдруг закутилось-замутилось, в глаза зелень выступила – становится земля пупом, из-под земли камень выходит, из-под камня баба-яга костяная нога, ж... жиленая, на железной ступе едет, железным толкачом^[3] погоняет, сзади собачка побрехивает.

– Тут мне попить-поесть у Усыни-богатыря!

– Милости прошу, баба-яга костяная нога!

Посадил её за стол, подал часточку^[4], она съела. Подал другую, она собачке отдала:

– Так-то ты меня потчуешь!

Схватила толкач, начала бить Усынюшку; била-била, под лавку забила, со спины ремень вырезала, поела всё дочиста и уехала. Усыня очнулся, повязал голову платочком, сидит да охает. Приходит Ивашко-Медведко с братьями:

– Ну-ка, Усынюшка, дай нам пообедать, что ты настряпал.

– Ах, братцы, ничего не варил, не жарил: так угорел, что

насилу избу прокурил.

□На другой день остался дома Горыня-богатырь; наварил-настряпал вымыл голову, сел под окошечком и начал гребнем кудри расчесывать. Вдруг закутилося-замутилося, в глаза зелень выступила – становится земля пупом, из-под земли камень, из-под камня баба-яга костяная нога, на железной ступе едет, железным толкачом погоняет, сзади собачка побрехивает.

– Тут мне попить-погулять у Горынюшки!

– Милости прошу, баба-яга костяная нога!

Она села, Горыня подал ей часточку – баба-яга съела; подал другую – собачке отдала:

– Так-то ты меня потчуешь!

Схватила железный толкач, била его, била, под лавку забила, со спины ремень вырезала, поела всё до последней крошки и уехала. Горыня опомнился, повязал голову и, ходя, охает. Воротился Ивашко-Медведко с братьями:

– Ну-ка, Горынюшка, что ты нам на обед сготовил?

– Ах, братцы, ничего не варил: печь угарная, дрова сырые, насилу прокурил.

□На третий день остался дома Дубыня-богатырь; наварил-настряпал, вымыл голову, сел под окошечком и начал кудри расчесывать. Вдруг закутилося-замутилося, в глаза зелень выступила – становится земля пупом, из-под земли камень, из-под камня баба-яга костяная нога, на железной ступе едет, железным толкачом погоняет, сзади собачка побрехивает.

– Тут мне попить-погулять у Дубынюшки!

– Милости прошу, баба-яга костяная нога!

Баба-яга села, часточку ей подал – она съела; другую подал – собачке бросила:

– Так-то ты меня потчуешь!

Ухватила толкач, била его, била, под лавку забила, со спины ремень вырезала, поела всё и уехала. Дубыня очнулся, повязал голову и, ходя, охает. Воротился Ивашко:

– Ну-ка, Дубынюшка, давай нам обедать.

– Ничего не варил, братцы, так угорел, что насилу избу прокурил.

□На четвёртый день дошла очередь до Ивашки; остался он дома, наварил-настряпал, вымыл голову, сел под окошечком и начал гребнем кудри расчесывать. Вдруг закутилось-замутилось – становится земля пупом, из-под земли камень, из-под камня баба-яга костяная нога, на железной ступе едет, железным толкачом погоняет; сзади собачка побрехивает.

– Тут мне попить-погулять у Ивашки-Медведка!

– Милости прошу, баба-яга костяная нога!

Посадил её, часточку подал – она съела; другую подал – она сучке бросила:

– Так-то ты меня потчуешь!

Схватила толкач и стала его осаживать; Ивашко осердился, вырвал у бабы-яги толкач и давай её бить изо всей мочи, бил-бил, до полусмерти избил, вырезал со спины три ремня, взял засадил в чулан и запер.

□Приходят товарищи:

– Давай, Ивашко, обедать!

– Извольте, други, садитесь.

Они сели, а Ивашко стал подавать: всего много настряпано. Богатыри едят, дивуются да промеж себя разговаривают:

– Знать, у него не была баба-яга!

После обеда Ивашко-Медведко истопил баню, и пошли они париться. Вот Усыня с Дубынею да с Горынею моются и всё норовят стать к Ивашке передом. Говорит им Ивашко:

– Что вы, братцы, от меня свои спины прячете?

Нечего делать богатырям, признались, как приходила к ним баба-яга да у всех по ремню вырезала.

– Так вот от чего угорели вы! – сказал Ивашко, сбегал в чулан, отнял у бабы-яги те ремни, приложил к ихним спинам, и тотчас всё зажило.

После того взял Ивашко-Медведко бабу-ягу, привязал верёвкой за ногу и повесил на воротах:

– Ну, братцы, заряжайте ружья да давайте в цель стрелять: кто перешибёт верёвку пулею – молодец будет!

Первый выстрелил Усыня – промахнулся, второй выстрелил Горыня – мимо дал, третий Дубыня – чуть-чуть зацепил, а Ивашко выстрелил – перешиб верёвку; баба-яга упала наземь, вскочила и побежала к камню, приподняла камень и ушла под землю.

□Богатыри бросились вдогонку; тот попробует, другой попробует – не могут поднять камня, а Ивашко подбежал, как ударит ногою – камень отвалился, и открылась норка.

– Кто, братцы, туда ползет?

Никто не хочет.

– Ну, – говорит Ивашко-Медведко, – видно, мне лезть приходится!

Принёс столб, уставил на краю пропасти, на столбе повесил колокол и прицепил к нему один конец верёвки, а за другой конец сам взялся.

– Теперь опускайте меня, а как ударю в колокол – назад тащите.

Богатыри стали спускать его в нору; Ивашко видит, что веревка вся, а до дна ещё не хватает; вынул из кармана три больших ремня, что вырезал у бабы-яги, привязал их к верёвке и опустил на тот свет.

□Увидел дорожку торную и пошёл по ней, шёл-шёл – стоит дворец, во дворце сидят три дёвицы, три красавицы, и говорят ему:

– Ах, добрый молодой, зачем сюда зашёл? Ведь наша мать – баба-яга; она тебя съест!

– Да где она?

– Она теперь спит, а в головах у ней меч-кладенец лежит; ты меча не трогай, а коли дотронешься – она в ту ж минуту проснётся да на тебя накинется. А вот лучше возьми два золотых яблочка на серебряном блюдечке, разбуди ягу-бабу потихонечку, поднеси ей яблочки и проси отведать ласково; она поднимет свою голову, разинет пасть и как только станет есть яблочко – ты выхвати меч-кладенец и сруби ей голову за один раз, а в другой не руби; если ударишь в другой раз – она тотчас оживёт и предаст тебя злой смерти.

Ивашко так и сделал, отсёк бабе-яге голову, забрал красных дёвиц и повёл к норе; привязал старшую сестру к верёвке, ударил в колокол и крикнул:

– Вот тебе, Усыня, жена!

Богатыри её вытащили и опустили верёвку на низ; Ивашко привязал другую сестру:

– Вот тебе, Горыня, жена!

И ту вытащили. Привязал меньшую сестру и крикнул:

– А это моя жена!

Дубыня рассердился, и как скоро потащили Ивашку-Медведка, он

взял палицу и разрубил верёвку надвое.

□Ивашко упал и больно зашибся; очнулся добрый молодой человек и не знает, как ему быть; день, другой и третий сидит не евши, не пивши, отощал с голоду и думает: «Пойду-ка, поищу в кладовых у бабы-яги, нет ли чего перекусить». Пошёл по кладовым, наелся-напился и напал на подземный ход; шёл-шёл и выбрался на белый свет. Идёт чистым полем и видит – красная девица скотину пасёт; подошёл к ней поближе и узнал свою невесту.

– Что, умница, делаешь?

– Скотину пасу; сёстры мои за богатырей замуж идут, а я не хочу идти за Дубынюшку, так он и приставил меня за коровами ходить.

Вечером красная девица погнала стадо домой; а Ивашко-Медведко за нею идёт. Пришёл в избу; Усыня, Горыня и Дубыня богатыри сидят за столом да гуляют. Говорит им Ивашко:

– Добрые люди! Поднесите мне хоть одну рюмочку.

Поднесли ему рюмку зелена вина; он выпил и другую запросил; дали ему другую, выпил и запросил третью, а как выпил третью – распалилось в нем богатырское сердце: выхватил он боевую палицу, убил всех трёх богатырей и выбросил их тела в чистое поле лютым зверям на съедение. После того взял свою наречённую невесту, воротился к старику и к старухе и сыграл весёлую свадьбу; много тут было выпито, много было съедено. И я на свадьбе был, мёд-вино пил, по усам текло, во рту сухо было; дали мне пива корец^[5], моей сказке конец.

[1] – Т. е. вверх.

[2] – Верстать – делать ровным; выравнивать, ровнять.

[3] – Пест, Толкач – инструмент для толчения, растирки или дробления чего-либо в ступе.

[4] – Часть, кусок (Ред.).

[5] – Ковш (Ред.).

Загрузка...